

Кликуши: к истории слова и понятия*

Анализируя культурно значимую лексику исследователю порой бывает трудно провести границу между историей слова и историей понятия, за этим словом стоящего. О кликушестве написано достаточно много. Этнографический материал обобщен в соответствующей статье словаря «Славянские древности» [Левкиевская 1999], исторический — А. С. Лавровым [Лавров 2000: 376—393], культурологический — А. А. Панченко [Панченко 2004: 321—340]. Кроме того, существует фундаментальная книга медика Н. В. Краинского [Краинский 1900], содержащая не только медицинский, но этнографический и юридический материал, связанный с феноменом кликушества.

Под кликушеством обычно понимается форма поведения, встречающаяся в русской и восточно-белорусской народной традиции. Кликуши не выносят христианских символов — креста, икон, святой воды, молитв, запаха ладана, не могут подойти к причастию. Приступы часто провоцируются христианскими святынями (крест, иконы, святая вода, запах ладана, определенные молитвы, в первую очередь, Херувимская песнь). Слово *кликуша* происходит от глагола «кликать», поскольку во время припадка кликуша «кличет» разными голосами, «выкликает» имя того, кто навел на нее порчу. В диалектах кликуша может называться кликотницей или икотницей (мужчина — миряк)¹.

* Эта статья не была бы подготовлена без материалов картотек «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (ИРЯ РАН, Москва) и «Словаря русского языка XVIII века» (Институт лингвистических исследований, Санкт-Петербург). Пользуясь случаем выразить свою признательность сотрудникам этих словарей за полезные консультации и возможность работать с материалами картотек.

¹ Подробнее см.: [Левкиевская 1999: 509].

I

Первые фиксации того явления, которое мы называем кликушеством, относятся к началу XVII в.² Причем употреблено здесь слово *икота*, а не *кликота*.

Два наиболее ранних документа, фиксирующих это явление, относятся к середине июля 1606 года. В грамотах Ивана Васильевича, адресованных пермскому воеводе Семену Юрьевичу Вяземскому, содержится рассказ о двух похожих историях. Грамота от 14 июля была инициирована челобитной крестьянина Тренки Васильева, обвиненного в наведении порчи. Поскольку следствие проводилось с нарушениями, царь приказал Семену Вяземскому провести новое расследование и, если будет установлена невиновность Тренки, отпустить его:

Биль намъ челомъ Пермитинъ, Чердынского уѣзда крестьянинъ Тренка Васильевъ (...) на Пермитина жъ, (...) діачка на Оничку Кичимова, а сказалъ: в нынѣшнемъ де во 114 году, биль челомъ на него тотъ Оничка и челобитную подалъ в Перми, Якову Прокудину да подьячему Ивану Ѳедорову, будто де онъ у того Онички на жену его напустилъ икоту, о онъ де Тренка у того Оничка жены его не порчивалъ и икоты не не напускалъ; и Яковъ де прокудинъ да Иванъ Ѳедоровъ, безъ нашего указа и безъ сыску, по ложному челобитью, норovia Оничкѣ по посуломъ, на пыткѣ пытали его и огнемъ жгли, и на пыткѣ три встряски были, и вкинули въ тюрьму, и нынѣ де сидитъ в тюрьмѣ.

И будетъ такъ, какъ намъ Тренка Талевъ биль челомъ, и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ въ Перми на посадѣ обыскаль протопопы и попы по священству, а Пермичи посадскими старосты и цѣловальники и всѣми посадскими людми и волостными крестьяны по нашему крестному цѣлованью: Тренка Васильевъ сынъ Талевъ у Оничка Кичимова жену его испортилъ ли? да будетъ къ обыску обыскные люди скажутъ, что Тренка Талевъ у Оничка Кичимова жену его не порчивалъ, и ты того Тренку велѣлъ изъ тюрьмы выпустити [АИ, II: 82].

Второй документ [АИ, II: 83] сообщает похожую историю и мы не будем его приводить.

Из этих двух документов видно, что наведение кликоты является поступком уголовно наказуемым и основанием для освобождения об-

² Учитывая, что на XVI—XVII века в Западной Европе приходится пик преследования ведьм, возникает соблазн соотнести эти события.

виняемых являются допущенные во время следствия процессуальные нарушения. Документы фиксируют и название действия, в результате которого здоровый человек получает икоту — *порча*. В процитированной выше грамоте царь приказывает Семену Вяземскому выяснить, «сынъ Талевъ у Оничка Кичимова жену его испортилъ ли». Аналогичное распоряжение содержится и в грамоте от 16 июля, обязывающей воеводу выяснить:

Семейка Ведерникъ людей портить ли, и будетъ портить, и кого именовъ чъмъ испортилъ? да будетъ въ обыску обыскные люди скажутъ, что Семейка Ведерникъ людей не портит и никакимъ воровствомъ не промышляеть, и ты бь Семейку велѣлъ изъ тюрьмы выпустити... [АИ, II: 83].

Если само явление может называться по-разному (кликота, икота, кликотница), то действие, превращающее обычную женщину в кликушу, всегда называется *порчей*.

Подобные случаи имели место и позже, однако первая фиксация слова *кликуша* связана с контекстом совсем иного рода. Впервые это слово мы встречаем в петровском указе от 7 мая 1715 г., в котором «Великій Государь указаль: ежели гдѣ какія явятся мужеска и женска пола кликуши, и ихъ имая, приводить въ приказы, и розыскивать...» [ПСЗРИ 1, т. 5 (1715) № 2906: 156]. В мотивационной части этого указа рассказывается о событии, которое произошло пятью месяцами ранее в Исаакиевском соборе:

Во время святой литургіи плотничья жена Варвара Логинова кричала, будто испорчена и потом она спрашивана, а въ допросѣ сказала, что она не испорчена и кричала притворствомъ, будто испорчена [Там же].

В ходе дальнейшего допроса выяснилось, что симулировала она с целью наказать человека, который когда-то избил ее мужа.

Мы видим, что контекст, в котором впервые было зафиксировано слово *кликуша*, более чем на полтора столетия определил отношение государства к этому феномену. Теперь преступником считается не колдун, наставший порчу, а жертва порчи. Таким образом, преступлением становится кликушество как таковое.

На причины, по которым Петр с особым пристрастием относился к кликушам, указал в свое время Татищев:

Великии плут Иван Милославский, ища Петра Великаго в народной любви искоренить, а царевну Софию в большое почтение при-

вести, неколико таких скверных женщин научил в церквах кричать и ломаться, и одна была знаменитаго шляхетскаго рода девица, которая в Соборе Успенском безобразно кричала, а царевна София, приступя ко оной с заклинанием дьявола, молилась, котораго дьявол, якобы не могши терпеть, просил перво царевны, чтоб ему дала покой и огнем не мучила, а потом изшел, что в подлом народе в великую ей святость причили. Иные при таком коварстве Петра Великаго поносили и пр. [Татищев 1979: 326].

Напомним, что к моменту выхода этого указа со дня смерти Софьи прошло более 10 лет.

Петровские запреты кликушества были закреплены в тексте архиерейской присяги (1715), где архиерей обещал ежегодно посещать свою паству и следить за тем, чтобы в епархии не было «притворныхъ бѣснующихся» [ПСЗРИ I, т. 6 (1716): 193] и Духовным регламентом (1721), где *ложные беснующиися* архиерейской присяги названы кликушами:

Смотрѣти же должень Епископъ, чего смотрѣть *обещался съ клятвою на своемъ поставленіи* (выделено мной. — А. К.), сіесть о монахахъ, дабы не волочились безпутно, дабы лишниихъ безлюдныхъ церквей не строено, дабы иконамъ Святымъ ложныхъ чудесъ не вымышленно; такожь о кликушахъ, о тѣлесахъ мертвыхъ несвидѣльствованныхъ, и прочиихъ всего того добре наблюдать [Там же: 323].

При объездах епархии епископ, среди прочего, должен удостовериться, что в данной местности нет кликуш:

Спросить же Епископъ священства и прочиихъ челоуѣкъ, не дѣлаются ли где суеверія? Не обрѣтаются ли кликуши? Не проявляют ли кто для скверноприбытства ложныхъ чудесъ при иконахъ, при кладезяхъ, источникахъ и прочая? И таковыя безделія запретить со угроженіемъ клятвы на противляющихся упрямецов [Там же: 329].

Таким образом, законодательно оформляется ситуация, при которой кликушество объявляется преступлением, а наблюдение за тем, чтобы эти преступления не совершались, становится обязанностью архиереев. И архиереи честно выполняли то, что «обещались с клятвою». В относящемся к 1785 г. «Деле о кликушах» Архангельскаго наместническаго правления имеется «Мнение архиеп. Архангельскаго и Холмогорскаго Вениамина (Краснопевкова-Румовскаго)»:

Я по должности и из сожаления моего о причине сей болезни в себе рассуждал; и не могу на то положиться, чтобы она происходила от какого ни есть колдовства, как многие из простаго народа сему

верят, а заключаю по одному моему мнению, что вся сия болезнь и зараза делается в тех краях от воды болотной и имеющейся в нечистых ямах, стоячих озерах и в ручьях от тех же ям, озерков и болот вытекающих; которою водою по лености или по неудобству на большие реки ходить, те жители питаются.

Далее идет рассказ о том, как он наблюдал употребление в пищу очень плохой воды при объезде епархии. Он полагает, что икотники пьют воду и в их организм попадают семена или зародыши «таких червей, которые зародясь в их желудках, болезни те производят. (...) Болезнь оная икота бывает более на женском поле, нежели на мужском (...) Сие делается может быть из того, что в женских желудках, яко слабейших, семена или зародыши тех червей более, а в мужских от работ или крепких напитков не столько усиливаются, или в самом начале истребляются» [Ефименко 1864: 83—87].

II

Указ 1714 г. на долгое время предопределил употребление слова *кликуша*. Наряду со словами *ханжа* и *пустосвят* оно вошло в число слов, обозначающих осуждаемые официальной идеологией проявления традиционной религиозности. При этом в текстах XVIII века слово *кликуша* встречается очень редко, в то время как *ханжа* достаточно часто. При этом, как это видно, например, из поэмы Ломоносова «Петр Великий», ханжа — это не просто «человек сомнительных моральных качеств», но и «враг государства»:

Ты вѣдаешь расколь, что на́чалъ Аввакумъ
И пустосвятъ злодѣй, его сообщникъ думъ.
Невѣжество почеть за святость старой вѣры
Пристали ко стрѣльцамъ ханжи и лицемѣры [Ломоносов 1760: 23].

В литературе XVIII века борьба с ханжеством оказывается важной просветительской задачей. Так, в XIV оде Сумарокова («Государыне императрице Екатерине II на день Ея рождения, апреля 21 дня 1764»), читаем:

Повержемъ идолы златыя,
Чтобъ умъ народа просвѣщать;
И станемъ Истинны святыя,
Мы тамо имя возвѣщать:
Освободимъ ихъ мысли тщетны,
Погибнуть ихъ ханжи нещетны,

И суевѣры, на всегда,
 Почтенны сими чудесами,
 Которыхъ не видали сами,
 И не увидятъ никогда [Сумароков II: 64].

Употребление слова *ханжа* по отношению к приверженцам традиционного благочестия неизбежно провоцировало попытку противопоставить уничижительный термин той практике, с которой он ассоциировался. В 1842 г. епископ Нижегородский Димитрий (Сеченов) писал:

...кто посты хранить, называли ханжа. Кто молитвою с богомъ бесѣдуетъ, пустосвять. Кто іконамъ кланяется, суевѣрь. Кто языкъ от суесловія воздерживаетъ, глупъ, говорить не умѣть. Кто милостыню любви ради ко Христу и ко ближнему не оскудно подаетъ, простъ, не умеет куды имѣнія своего употребить, не къ рукамъ достался. Кто въ церковь часто ходитъ, въ томъ де пути не будетъ [Димитрий 1742: 15].

Обратиться к слову *ханжа* мне понадобилось для того, чтобы показать, что ситуация со словом *кликлуша* совершенно иная. Я не знаю ни одного текста, относящегося к XVIII веку, автор которого, подобно еп. Димитрию Сеченову, попытался бы пересмотреть привычные употребления слова *кликлуша*, соотнеся кликушество с упоминаемой в Писании бесоодержимостью. К тому же, в отличие от слова *ханжа*, зафиксированного большинством словарей, слово *кликлуша* словари XVIII в. не фиксируют³.

Отсутствие слова *кликлуша* в словарях объясняется тем, что для обозначения соответствующего понятия употребляется слово *бесноватый* (*бесноватая*). И действительно, в соответствии с греческим ὁ δαιμονιζόμενος и латинским *insaniens* Лексикон Федора Поликарпова дает *бѣснующійся* [Поликарпов 1704: 37], а не *кликлушествующий*, а переведенный И. И. Татищевым второй том «Словаря Французской академии» [Вомперский 1986:70] в соответствии с франц. *possédé* дает «бѣсноватый, бѣсный, бѣснующійся» [ПФР, II: 219]. При этом

³ При этом в энциклопедических словарях XVIII в. слово *кликлуша* используется. В словаре М. Чулкова, описывающем мифологические представления разных народов, статья «Кликлуша» имеется: «Кликлуши, бывают кликлушами вдохновенныя, или испорченныя женщины, кои приходя въ нѣкоторое неистовство, плетутъ всякой вздоръ, и дѣлаютъ иногда пророчества, онѣ кричатъ голосами разныхъ животныхъ по времянамъ, и выкликаютъ того имя, кто ихъ испортилъ» [Чулков 1786: 222]. О статье «Кликлуша» в Лексиконе Татищева см. ниже.

в энциклопедический «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский» Татищев включает соответствующую статью: «Кликуша, то же, что славянское бесноватая или беса имеющая» [Татищев 1979: 326—327]. Но в языковых словарях XVIII в. это слово нам не встретилось. Соответствующее явление эти словари называют не кликушеством, а беснованием, бесоодержимостью и т. д.:

Obsédé du diable. Vom Teufel besessen. Obsessus a Daemone, enegumenus. Бѣсной бѣсноватой, бѣснующейся, въ комъ бѣсъ [Волчков, II: 498];

Demonique. Von dem Teufel besessen. Dæmonicus. Бѣсноватой; бѣснующейся, бѣса имѣющей, бѣснующейся [Волчков, I: 684];

Exorciser un possédé. Den Teufel beschwören, aus einem Besessenen austreiben. Exorcismus daemoni, изъ бѣсноватаго челоуѣка бѣса выгнать [Там же: 980];

Fanatique. Unsinnig, besessen. Fanaticus, ca, cum. Безумной, съ ума шедшей, сумозбродъ, бѣшенной, бѣснующейся, бѣснующейся, бѣсомъ одержимой [Там же: 971];

Беснующійся, аяся, ееся, part. vom Teufel besessen, rasend, unsinnig, demoniaque enragé [Нордстет, I: 52];

Behaftet, obstrictus, одержимый [Вейсман 1731: 73];

Vom Teuffel besessen, obsessus a daemone, діаволомъ осиленный, бѣса имущи, бѣсомъ одержимый. бѣсоватыи [Там же: 630].

Не встретилось это слово и в переводных текстах. Например, Санкт-Петербургские ведомости в 1735 г. сообщали:

Парламенту предложено изданное отъ находящагося въ Камбре Архиепископа повѣленіе противъ притворно бѣснующихся людей [СПб ведомости 1735: 173].

Переводчик популярного медицинского текста также предпочел употребить слово *бесноватый*, а не *кликуша*:

Я видѣлъ одного челоуѣка, которой между простымъ народомъ почитался бѣснующимся, но которой въ самой вещи страдалъ падучею болѣзнію [Бьюкен, I: 343].

Примеры употребления слова *кликуша* в XVIII веке мы можем привести лишь из произведений Татищева. В «Разговоре дву приятелей о пользе науки и училищах» Татищев, рассуждая о вредной науке «чернокнижестве», считает кликуш отечественным аналогом европейских колдунов и шарлатанов:

И хотя сии науки или зломудрия ничего совершеннаго в себе не имеют и по разсуждению многих философов смертию их, яко умоизступленных казнить не безгрешно, но за то, что, оставя полезное, в безпутстве время тратят и других обманывают, телесное наказание неизбежно должны. Не безприлично же сему дурачеству вымысел кликуш и кликунов, которые сказывают в себе быть диявола, что сами себе от злости, когда иным образом досадить не могут, яко бабы, не любя мужа, свекровь и пр., оное притворяют, иногда же в том притворе невинно на кого-нибудь клеветуют и в несмысленных злобу приводят. Иные же по научению сребролюбивых церковников такие притворы чинят, дабы чрез изгнание того новое чудо явить и от людей суеверных деньги выманывать. Котораго зла в России весьма было расплодилось и повсюду в церквах, а особливо в праздники при службе Божией мерские крики и ломание тела произносили, но вечно достойныя памяти его императорское величество Петр Великий жестокими на теле наказании всех оных бесов повыгнал, так что ныне, почитай, уже нигде не слышно, а особливо в тех местах, где благорассудный начальник случится [Татищев 1979: 93—94].

Мы можем констатировать, что в русском литературном языке имеется устойчивая оппозиция — бесоодержимость настоящая (описанная в Евангелиях, побеждаемая «молитвою и постом» (Мф 17:21), а также отчиткой) и бесоодержимость ложная (*кликунство*). Тот страт культуры, языком которого был русский литературный язык, называл кликушеством ложное беснование (симуляцию или душевную болезнь). А раз ложное — значит, лечить его следует, по цитированному выше изречению В. Н. Татищева, жестокими телесными наказаниями. Характерно, что И. П. Сахаров считал, что кликуши сознательно вызывают приступы, задерживая при помощи трав месячные⁴, а В. И. Даль лучшим лекарством от кликушества считал порку [Даль 1994: 28—29]. И даже С. В. Максимов, использовавший в очерке о кликушестве не только собственные наблюдения, но и материалы Этнографического бюро князя Тенишева, писал об эффективности нака-

⁴ «Доселѣ еще остаются темныя понятія о кликушахъ, которыхъ всегда выдають за бѣснующихся. Но и это есть болѣзнь: искусственная истерика. Кровогонительныя средства, нарушая отправленіе женскихъ органовъ, возвышая раздраженіе нервной системы, образуютъ такое искусственное состояніе нервнаго электричества, что врачи никакъ не могутъ подвести болѣзни этого рода подъ обыкновенные законы происхожденія болѣзней. Заметимъ еще важное обстоятельство: многіе изъ поселянь обладаютъ особеннымъ знаніемъ дѣйствія веществъ на челоуѣческой организмъ, знаніемъ недоступнымъ для врачей» [Сахаров, I: 83].

заний и о том, что по мере просвещения народа кликушество постепенно сходит на нет [Максимов 1903: 153—154].

Церковные писатели также глядели на кликушество сквозь призму Духовного регламента. Позицию епископа Вениамина (Краснопевкова-Румовского) мы уже приводили. Весьма показательным в этом отношении является словарь Г. Дьяченко. Кликуш он определяет так:

Дѣйствительно больныя или притворяющіяся женщины, странными гласами кричащія, преимущественно в церкви. *Въ духовномъ Регламентѣ*. предписано епископамъ смотрѣть, чтобы не было въ епархіяхъ ихъ кликушъ [Дьяченко 1899: 252].

При этом слова *бесноватися*, *беснующийся* этот словарь толкует как ‘бесноватый, одержимый бесом’, а в качестве иллюстрации дает ссылки на Священное писание. То есть кликушество и беснование оказываются совершенно разными явлениями. Взаимных ссылок эти статьи не имеют.

Характерное распределение слов *кликуша* и *бесноватый* мы обнаруживаем в материалах следствия Тайной канцелярии по делу князя Е. В. Мещерского (1721 г.). В принадлежащем следователям тексте в основном используется слово *кликуша*, в то время как в речах допрашиваемых преобладает слово *бесноватый*:

Князь Мещерский сказал, которые были у него с женою Аленой многие бесновалися [Дело Мещерского: 24, цит. по Сергазина 2011: 113];

Пойманы бабы и кликуши, они же раскольницы, Елена Ефимова и сестра ее Пелагея, которые у себя имели таким же пристанище и учили раскольническому и притворному кликанью и по многим монастырям и церквам собравшись, ходили и оное притворство чинили, а именно ходили к князю Ефиму Мещерскому, который у себя имел образ богородичен и сказывал многим приходящим, что от одного образа беснующиися исцеление приемлют, о чем у него и книга тех чудес учинена, которая с оным образом взята в приказ. Да у него взято сухарей пшеничных с полчетверика, которые он раздавал и маслом помазывал и водою кропил и от этого будто приходящие исцеление получали [Дело Мещерского: 15].

Рассмотренный выше материал дает основания утверждать, что для послепетровской культуры отношение к *кликушам* всегда негативно. Кликуш могут обвинять в симуляции, могут объявлять кликушество болезнью, но отождествления кликушества и бесоодержи-

мости не происходит. Поэтому, кстати сказать, кликуши, в отличие от юродивых, не становятся предметом любования или героизации, чего, вообще-то, можно было бы ожидать. Однако никому не пришло в голову увидеть в кликуше русскую Кассандру. Дискурс, заданный петровскими указами, не позволил это сделать.

III

Наиболее ранней из известных мне попыток отличить кликушество (ложное беснование) от бесоодержимости является медицинское исследование кликушества, вышедшее в 1860 году. Эта книга была написана врачом Александром Ивановичем Клементовским и выпущена с разрешения духовной цензуры. Основной приводимый Клементовским аргумент в пользу того, что кликушество отличается от бесоодержимости, сводится к тому, что все упоминаемые в Писании примеры беснования «доказывают, что над духом тьмы полную силу имеет могущество Божие, с помощью которого дьявол изгоняется из человека» [Клементовский 1860: 32—33]. Случай кликушества оказывается совершенно противоположным:

Здесь дьявол, поселившийся в утробе женщины, входит с ней в храм Божий, без ужаса слушает молитвы и прославление имени Спасителя, и наконец в один из самых великих моментов литургии повергает кликушу на землю, и не выходя из нее, заставляет ее бесчинствовать самым возмутительным образом, и как бы в насмешку нарушать торжественность богослужения. Где же власть Иисуса Христа над ним, где Божие величие и где святость церкви? Неужели это тот самый демон, который трепещет произношения имени Божия, и далеко бежит от человека, сотворившего крестное знамение? [Там же: 33].

Отвергнув предположение, что кликушество является бесоодержимостью, а затем отказавшись признать кликуш симулянтами, Клементовский предполагает считать кликушество болезнью и дает этой болезни название *Demonomania hysteriaca*.

Дискурс, заданный «Духовным регламентом», для медиков не был актуальным. Именно медику принадлежит наиболее полный и беспристрастный свод данных о кликушестве. Речь идет о монографии Н. В. Краинского, увидевшей свет в 1900 г. Принципы своей работы автор формулирует так:

При своих исследованиях я столько же сталкивался с медицинской стороной дела, сколько и с бытовой, и, взвешивая итог своих размышле-

ний, склонен отдать перевес значению бытовых условий жизни русского народа, как причине кликушества. Та физиологическая основа кликушества, которую я усматриваю в состоянии сомнабулизма, еще представляет много загадочного, а явления ясновидения кликуш в науке выступают впервые, и потому я буду счастлив, если будущие исследователи проверят и осветят этот вопрос подробнее, а мои исследования послужат для них полезным материалом [Краинский 1900: с. 1 (вне пагинации)].

IV

Выше мы говорили о том взгляде на кликушество, который демонстрировала образованная часть общества. При этом народная культура видела в этом явлении настоящее беснование, лечить которое следовало или отчитыванием, или же различными обрядами⁵. Приведем несколько сообщений о кликушах, помещенных в опубликованных материалах Этнографического бюро князя Тенишева. При чтении этих материалов следует помнить, что Тенишевские корреспонденты, хотя и хорошо знали жизнь крестьян, но сами, как правило, принадлежали к иным социальным группам (учителя, священники, мелкие чиновники). Их взгляд — это, как правило, взгляд не участника, а квалифицированного стороннего наблюдателя.

Крестьяне твердо убеждены, что виновником кликушества является бес, что он вселился в несчастную и мучит ее. Никакие доводы не в состоянии поколебать подобного убеждения. Мнение это поддерживается еще тем обстоятельством, что большая часть кликуш не выносит церковного Богослужения или вовсе, или некоторых песнопений; есть кликуши, которые не могут выносить даже присутствия священника с крестом. В нашей деревне есть подобный субъект, который в течение более 10 лет не был на исповеди только по причине кликушества. Кликуши встречаются исключительно среди женщин. Если же мужчина подвержен подобным припадкам, то такого прямо считают сумасшедшим, их или лечат при помощи докторов, или прибегают к религии: поют молебны, водят по монастырям. {...} Все кликуши, по мнению крестьян, порчены колдунами, и исцелить их может только колдун же, но обладающий большею силою. (Костромская губ) [РК I: 319—320];

«Кликуши» в прежнее время встречались в народе очень часто. Ныне их нет совсем. «Кликуши», по народному понятию, женщины «порченые», такие женщины, в которых сидит бес, насланный в них

⁵ Именно с позиций народной культуры говорит о кликушах Ф. М. Достоевский в «Братьях Карамазовых».

колдуном или знахарем. Отличительное свойство «кликлуш» состоит в том, что они спокойно стоят в церкви и благоговейно молятся вместе с прочими. Но как только запоют Херувимскую песнь, как с ними начинается припадок, их корчит как в припадке падучей болезни, причем они вопят и кричат. Некоторые выкликают при этом имя того человека, который их испортил (отсюда и название — «кликлуши»). Некоторые «кликлуши» издали чувствуют приближение к ним священника, и с ними делается в то же время припадок. Для изгнания из «кликлуш» беса их приводили прежде к священникам, которые и прочитывали над ними «страшные молитвы» или по народному «страшную», т. е. заклинательные молитвы, изложенные в большом требнике. Если с «кликлушей» случится припадок, ее тот час же прикрывают с головой салфеткой со стола, вспрыскивают водой и, между прочим, прижимают крепко рукой мизинец левой руки (Ярославская губ.). [РК, II.1: 197];

Кликлуш здесь порядочно. Я лично знал трех. Две из них — молодые женщины, живы и сейчас, третья, старуха лет 75, умерла три года назад. О них я и расскажу, что знаю сам и что слышал от посторонних. К нам на поденщину ходила девушка дер. Ямны Акулина; девка здоровая, толстая, удалая работница, и очень веселая. Это было лет 6 тому назад — ее выдали замуж; и вот я слышу, что ее «испортили», т. е. она стала кликлушей. «Сидит, сидит, — рассказывали про нее ее родные, — а там как заплачет, как заголосит! Воет, воет, а потом — бряк оземь — найдет на нее слюна, так и мужики никак не удержат, а она все кричит: “пустите меня, лихо мне!”», а там замяукает по-кошачьи, забрешет по-собачьи, грудь и живот у ней так и радуется не знамо как; а кричит у ней словно в животе». На мой вопрос: «Когда это у ней бывает?», мне отвечали: «В неделю раз, а то и в две, — а в церкви постоянно, как пойдет, достоин до Херувимской, так и закричит». В 1892 году я и сам увидел Акулину вот в каком положении: пришли мы с товарищем к обедне в с. Вассы и видим около церкви стоит толпа баб; подошли, гляжу — Акулина, и правда, слюна у нее бьет клубком, сама лежит неподвижно, бледная как смерть. Я велел бабам смочить ей голову холодной водой, и она очнулась. Бабы говорят, что ей в «средку» черта посадили во время свадьбы, потому что муж ее собирался взять другую девушку, но обманул, вот Акулине-то за то, что пошла за него, и сделали. Кричит она в припадке-то и говорит: «А это ты (называет женщину) меня испортила, собака ты такая-сякая! Это ты, потаскуха, мне беса посадила!» Возили Акулину куда-то отчитывать (куда — я не мог дознаться); теперь она не кричит. (...) Здесь иногда обращаются с вопросами — куда девалась пропажа, и говорят, много кликлуши угадывают (Калужская губ.). [РК, III: 497—498];

Кликлуши в данной местности встречаются довольно часто. Крестьяне считают их одержимыми бесами, которых нагоняют в людей колдуны по злобе, т. е. портят их, а потому кликлуши иначе зовутся

порченными. Портят колдуны женщин и преимущественно замужних. Обыкновенно кликуши бывают вполне покойны; если же их чем раздражать, то они начинают кричать громко, не произнося слов, а издавая лишь стоны или охая. При этом кликуши падают на землю и начинают биться, и во рту показывается пена. Вид кликуш становится страшен, и глаза становятся мутными. В это время домашние опрыскивают кликуш крещенской водой, и если стараются давать этой воды кликуше внутрь, то та ни за что святой воды не возьмет. Иногда кликушам одевают на шею хомут, но кликуши не даются и начинают бросать в окружающих чем ни попадя. Хомут крестьяне стараются надеть на кликушу затем, чтобы она сказала им, кто ее испортил, т. е. кто вогнал в нее беса. Если священник идет по селу или по деревне с иконами, то кликуша, хотя и не видит этого, все-таки чувствует и начинает волноваться. Особенно тягостно чувствуют себя кликуши на первой и на последней неделях великого поста: и кричат чаще, нежели в другое время. В церковь к службам кликуши ходят наравне с другими и по собственному побуждению. Стоят они в церкви покойно и молятся. Во время Херувимской [Херувимской] песни и при малом входе со святыми дарами, а также во время причащения святыми тайнами мирян кликуши начинают сильно кричать, падают, бьются, пока сами собой не успокоятся. Если женщина кликуша кричит, то крестьяне думают, что это не она кричит, а бес, сидящий в ней. Некоторые думают, что кликушами женщины делаются и от черных жучков. <...> Кликуш возят лечить к колдунам, при этом колдун тот должен быть сильнее колдуна, испортившего женщину <...> Кликуши неохотно соглашались ездить к колдунам лечиться (отговариваться): присутствие колдуна, как и священника, делается для них противным (Калужская губ.). [РК, III: 463—464];

Кликушами, или, как их обыкновенно называют, «порченными», признают женщин, одержимых бесом, особенно сильно терзающим их в новолуние, когда бес «кричит»; в это время кликуши обладают даром предсказания, пророча, однако, окружающим их одни бедствия. <...> Чтобы изгнать из кликуш беса, одни их «отчитывают», для чего приглашают священника, другие же «отговаривают», для чего ездят к специальным колдунам и колдуньям. Во время же припадка, чтобы таковой прекратился, кликуше прикрывают голову чем-нибудь темным: платком, фартуком и т. д. Бес в это время ничего не видит и замолкает, почему прекращается и припадок. Припадки у кликуш совершаются не в одно только новолуние, но и во время приближения к кликушам икон, священника, святой воды и т. п., причем кликуши, хотя и не видят еще этих предметов, но уже издали чувствуют их приближение, причем священника поносят всякими бранными словами, часто более чем неприличными; ругают они и всякие священные предметы. Не только сами кликуши, но и народ твердо верят в то, что брань эта

исходит не от человека, а от самого беса, сидящего в человеке. Сильнее, чем во всех остальных припадках, бес терзает кликушу в церкви во время Херувимской песни. (...) Отчитывают священники кликуш по «требнику», причем кликуша сама указывает во время припадка того священника, который может ее «отчитать», например, она кричит: «Боюсь попа Василья, боюсь!». В это время надо у нее спросить, какого попа Василья она боится. Тогда кликуша укажет город или село, где живет этот поп Василий. Другой священник уже кликушу не отчитает (Калужская губ.). [РК, III: 408];

Кликуш крестьяне различают как «порченных», обыкновенно на свадьбах, и собственно «бесноватых». В первых признают лихую болезнь, насланную колдуном, а в последних нечистого духа, насланного тоже колдуном. Для исцеления кликуш, для отгнания от них злого духа, их водят по церквям и по монастырям. Здесь накладываются на больных воздуха от *рак преподобных; читаются священниками заклинательные молитвы от нечистых духов Василия Великого и Иоанна Златоустого, изложенные в Большом Требнике*. Полагают, что кликуши отличаются ясновидением, потому что бывают (...) факты, удостоверяющие крестьян в этом. (...) По поверью крестьян, порченные еще далеко чувствуют приближение к ним священника, особенно с крестом, которых поносят ругательствами, оправдываясь, что бранит священников дух, находящийся в них. Кликуши приходят в особенное волнение, как только начнется пение Херувимской (Вологодская губ.). [РК, V.4: 474];

Кликуши признаются бесноватыми. Бес, сидящий в кликушах, иногда выкрикивает имя того знахаря, который причинил вред больной. Излечить или «вывести беса из кликуши» может или тот знахарь, который и посадил его, или другой, более сильный знахарь. Беса впускают в человека или в питье или «по ветру». Чтобы облегчить страдания кликуш во время припадков, их покрывают «пасхальной скатертью», т. е. тою, которая накрывается на стол в первые дни Пасхи, пред приходом священников. (...) Бесы, сидящие в кликушах, с удовольствием бранят священников (Вологодская губ.). [Там же: 40];

Все женщины, страдающие кликушеством, испорчены колдуном, который напустил на них эту болезнь. Вылечить от кликушества может только тот колдун, который был виновником этого; затем может «отчитать» порчу священник, но только не всякий. Наибольшею популярностью в этом отношении пользуется священник с. Спас-Чекряк, Болховского у. Орловской губ.; к нему стекаются больные со всех концов России⁶ (Тульская губ.). [РК, VI: 450].

⁶ Речь идет о протоиерее Георгии Коссове (1885—1928), причисленном в 2000 г. к лику святых [Амиргулова 2006]. Ему посвящен очерк С. А. Нилуса «Отец Егор Чекряковский» [Нилус 1992: 239—274], в котором об исцелении кликуш не говорится ни слова.

Священники, отчитывающие кликуш, рисковали, поскольку указом Синода от 13 мая 1773 г. духовенству было запрещено петь молебны и читать слово Божие над кликушами и проч. порченными людьми, о которых «не иное должно иметь рассуждение, как о прямом притворстве, обмане и суеверии» [Краинский 1900: 48]. Священник, принявший народный взгляд на феномен кликушества, рисковал куда больше, чем его прихожане. Во время эпидемии кликушества 1861 года на хуторе Букреевском Екатеринославской губернии крестьяне подали в суд на тех, кто насылал порчу. Соответствующие документы готовил местный священник. Суд постановил, что с крестьян спроса нет, так как они люди темные, а поступок священника передать на рассмотрение Консистории⁷ [Там же: 65—67]. Известны попытки оправдать участие священнослужителей в практике отчитывания кликуш, апеллируя существованию в старопечатных требниках соответствующих молитв:

Существование молитв в старинных церковных требниках от презора, очес, от порчи, над очарованным местом или лицом указывает на признание фактов сглаза, порчи и очарования и служителями христианских алтарей; но они смотрели на такие факты другими глазами, очами христианского вероучения. Обращаясь к кликушам, можно утвердительно сказать, что одни из них — несчастные жертвы, мучимые духом злобы, от которого они избавляются постом и молитвою, или чудесными действиями угодников Божиих, другие же, пользуясь суеверным убеждением членов своей семьи, притворяются, чтобы, с одной стороны, возбудить к себе в них сожаление и большее снисхождение в домашних трудах, с другой, — поселить неприятные чувства к особам, заговариваемым ими. Такие факты нередко встречаются в больших семьях, где две или три невестки и столько же им золовок. [Успенский 1875: 501].

Священники, занимающиеся отчитыванием кликуш, видели в кликушестве бесоодержимость. В дневнике за 1865 г. Иоанн Кронштадтский⁸ прямо отождествляет кликушество с бесоодержимостью:

Так бесноватые бывают покойны до того времени, доколе их не поведут к святыне, а поведут — откуда возьмется сила необыкновенная. Отвращение от святыни, хула, оплевывание святыни, пронзительный крик. Вот вам, господа, объяснение или разрешение вашего недоуме-

⁷ Как мы помним, по российским законам наказуемым было обвинение в нанесении порчи.

⁸ Этот фрагмент был указан Юлией Балаксиной, которой я выражаю свою признательность.

ния — отчего бесноватые или так называемые кликуши кричат в Церкви во время обедни или когда их подводят к святым мощам... [Иоанн Кронштадтский, VII: 134].

К концу XIX века церковные власти, по всей видимости, окончательно смирились с практикой отчитывания. Сообщения об этой практике появляются в церковных журналах⁹.

V

Вплоть до начала XX в. 937 статья «Уложения о наказаниях» определяла наказание кликушам, выкрикивавшим имя наставшего на нее порчу. Это правонарушение грозило тюремным заключением на срок от четырех до восьми месяцев:

Такъ называемыя кликуши, которыя дѣлають на кого либо извѣты, утверждая, что онъ причинилъ имъ зло, будто бы посредствомъ чародѣйствія, подвергаются за сей злостный обманъ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ [Свод законов, XV: 87].

На рубеже веков, в связи с обсуждением новой редакции Уложения, встал вопрос об исключении этой явно анахронической статьи¹⁰. В новой редакции Уложения, принятой 22 марта 1903 г., кликуши уже не упоминаются.

VI

Мы видим, что к концу XIX века резко негативное отношение к кликушам, заданное петровским законодательством, постепенно затухает: церковные журналы перестают считать кликуш обманщицами, законодательство больше не видит в них преступников, а врачи не обвиняют их в симуляции. К началу XX века это слово явно утратило негативную семантику и начинает употребляться в текстах, относящихся к различным жанрам. Однако говорить о «реабилитации» этого слова нельзя, не обратившись к творчеству Ф. М. Достоевского. Дело в том, что в романе «Братья Карамазовы» слово *кликуша* регулярно употребляется в том значении, в каком его использовала народная

⁹ См., например, журнал «Кормчий». 1901. 41. 6 окт.

¹⁰ О юридических проблемах, связанных с кликушеством см. [Левенстрим 1897].

культура. Уже в самом начале роман Ф. М. Достоевский соотносит болезнь Софьи Ивановны Карамазовой с простонародным кликушеством:

Впоследствии с несчастною, с самого детства запуганной молодою женщиной произошло вроде какой-то нервной женской болезни, встречаемой чаще всего в простонародье у деревенских баб, именуемых за эту болезнь кликушами [Достоевский, XIV: 13].

Далее Софья Ивановна регулярно называется в тексте *кликушей*:

«Знаешь ли ты, — стал он часто говорить Алеше, приглядываясь к нему, — что ты на нее похож, на кликушу-то?» Так называл он свою покойную жену, мать Алеши [Достоевский, XIV: 22];

Может быть, подействовали и косые лучи заходящего солнца пред образом, к которому его протягивала его кликуша-мать [Там же: 25];

Так я ее тогда в монастырь для смирения возил, отцы святые ее отчитывали. Но вот тебе Бог, Алеша, не обижал я никогда мою кликушечку! Раз только разве один, еще в первый год: молилась уж она тогда очень, особенно богородичные праздники наблюдала и меня тогда от себя в кабинет гнала [Там же: 126].

Таких примеров можно привести довольно много. В народном значении Ф. М. Достоевский использует слово *кликуша* и в главах, посвященных старцу Зосиме [Достоевский, XIV: 29, 44]. Однако такое словоупотребление является уникальным и для творчества самого Ф. М. Достоевского. Во всех остальных произведениях Достоевского слово *кликуша* не встречается ни разу, а *кликушество* — лишь в публицистике и в обычном уничижительном значении [Достоевский XXVI: 85].

Лишь к началу XX века слово *кликуша*, как кажется, утрачивает отрицательные коннотации:

Мужчины-юродивые, женщины-кликуши никогда не переводились в России и, нужно думать, не скоро еще переведутся. В странах более культурных и устроенных, где людям сравнительно легче живется и где «мысль» — то упорядочивающее начало, без которого существование на земле так мучительно трудно, — раньше, чем у нас, вошла в свои права, дикие вопли на людях или неприютная и беспризорная жизнь — явления почти не встречающиеся. Циники, о которых в истории философии довольно много рассказывается, отошли в безвозвратное прошлое и почти никого не интересуют. А в России народ не только чтит, но почему-то любит своих духовных уродов. Будто чувствует, что бессмысленные вопли не совсем так уже ни на что не нужны и

жалкое существование бездомного бродяги не так уже отвратительно [Шестов 2001: 351].

О стирании границ между кликушеством и бесоудержимостью свидетельствует появление уже в наше время словосочетания *ложное кликушество*:

Обер-фискал велел содержать ее за семью замками, к розыску еще не приступал, но уже ясно: от сей ложной кликуши нити тянутся и к булавинам, и к чающим воцарения Алексея Петровича [Говоров 1980].

Прочитированный выше фрагмент исторического романа, написанного в 80-е годы XX века, интересен тем, что для автора слово *кликуша* означает 'бесоудержимая' или 'больная', а ложная кликуша симулирует одно из этих состояний. В XIX в. в подобном контексте употребили бы просто слово *кликуша*. Но наиболее активно сочетания «ложная кликуша» и «лицемерная кликуша» используются в политических памфлетах:

А миссиофобия и есть идиотизм, помноженный на клевету, безнравственность, мизантропию и лицемерное кликушество (7.08.2009)¹¹;

Что касается Болтянской и К°. — в отличие от реальных кликуш им за это деньги платят (и думаю, неплохие). Значит, мы имеем дело с ложными кликушами. Возможно, единственная реальная кликуша, взаправду отможенная, в нашей политике — это В. И. Новодворская (31.03.2007)¹².

Таким образом, вроде бы можно говорить о тенденции постепенного сближения значения слов *кликушество* и *бесоудержимость*. По всей видимости, это связано с экспансией в церковную культуру представлений, которые в начале XX века были свойственны исключительно народной религиозности¹³.

¹¹ <http://kirillfrolov.livejournal.com/631251.html>.

¹² <http://zubkoff.livejournal.com/51190.html?thread=79094#t79094>.

¹³ В некоторых случаях авторы популярных текстов о кликушестве стараются не употреблять этого слова, имеющего, по их мнению, отрицательные коннотации. Показательным в этом отношении является документальный фильм Дмитрия Сорокина «Икотка» (2010 г.), в котором кликушество рассматривается в ряду паранормальных явлений. Создатели фильма последовательно используют слова *икота* и *икотка*, старательно избегая слова *кликуша*. Слово *кликуша* звучит в фильме только один раз в цитате из В. М. Бехтерева.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- АИ II — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1841.
- Амиргилова 2006 — *Амиргилова В. И.* Георгий Коссов // Православная энциклопедия. 2006. XI. С. 18—19.
- Бьюкен, I—V — *Бьюкен У.* Полный и всеобщий домашний лечебник. Твор. Г. Бухана. Т. 1—5. М., 1790—1792.
- Вейсман 1731 — *Вейсман Э.* Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при Императорской Академии наук печатию издан. СПб., 1731.
- Волчков, I—II — Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках, переводу асессора Сергея Волчкова. Ч. 1—2. СПб., 1755—1764.
- Вомперский 1986 — *Вомперский В. П.* Словари XVIII века. М., 1986.
- Говоров 1980 — *Говоров А.* Жизнь и дела Василия Киприанова, царского библиотекариуса. М., 1980.
- Даль 1994 — *Даль В. И.* О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1994. С. 28—29.
- Дело Мешерского — Дело о князе Ефиме Мешерском, имеющем в своем доме дароносицу с церковными дарами и икону, на поклонение которой скликал народ и о людях, участвовавших в сем деле // РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 93. 1721 г.
- Димитрий 1742 — Слово в день Благовещения пресвятыя Богородицы... проповеданное Димитрием Сеченовым в Москве 25 марта 1742 года. СПб., 1742.
- Достоевский, I—XXX. — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972—1990.
- Дьяченко 1899 — Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / Сост свящ. Г. Дьяченко. М., 1899. [Репринт: М., 1993.]
- Ефименко 1864 — *Ефименко П. С.* Икота и икотницы // Памятная книжка Архангельской губ. на 1864 г. Архангельск, 1864. С. 75—92.
- Иоанн Кронштадтский, VII — *Святой праведный Иоанн Кронштадтский.* Дневники. Т. VII. 1865 год. (в печати).
- Клементовский 1860 — Кликуши. Очерк сделанный А. Клементовским // Московская медицинская газета. М., 1860. № 25—32.
- Краинский 1900 — *Краинский Н. В.* Порча, кликуши и беснование как явления русской народной жизни / С предисл. акад. В. М. Бехтерева. Новгород, 1900.
- Лавров 2000 — *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России: 1700—1740. М., 2000.

- Левенстим 1897 — *Левенстим А.* Суеверие и уголовное право (Юридическая библиотека № 15). СПб., 1898.
- Левкиевская 1999 — *Левкиевская Е. Е.* Кликушество // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 508—511.
- Ломоносов 1760 — Петр Великий, героическая поэма Михаила Ломоносова. СПб., 1760.
- Максимов 1903 — *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.
- Нилус 1992 — *Нилус С. А.* Великое в малом. Записки православного. М., 1992.
- Нордстет, I—II — Российский, с немецким и французским переводами, словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом. Ч. I—II. СПб., 1780—1782.
- Панченко 2004 — *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2004.
- Поликарпов 1704 — *Федор Поликарпов*. Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704.
- ПСЗРИ I — Полное собрание законов Российской Империи [Собрание 1-е]. Т. 1. СПб., 1830.
- ПФР, II — Полный французский и российский лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на российский язык переведенный Собранием ученых людей. Т. 2. СПб., 1786.
- РК, I—V.4. — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. I—V.4. СПб., 2004—2008 (издание продолжается).
- Сахаров, I—II — Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. Ч. I—II. СПб., 1885.
- Свод законов I—XVI — Свод законов Российской Империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним продолжениями в одной книге / Под ред. Ф. Волкова и Ю. Филиппова. СПб., 1900.
- Сергазина 2011 — *Сергазина К. Т.* Монастырская культура XVIII века и кликушество (по документам дела о князе Е. В. Мещерском) // Православный собеседник: альманах Казанской духовной семинарии. Вып. 1 (21). Казань, 2011. С. 111—117.
- СПб ведомости 1735 — Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1735.
- Сумароков I—X — *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений. Т. I—X. 2-е изд. М., 1787.
- Татищев 1979 — *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979.
- Успенский 1875 — *Успенский*. О народных приметах и повериях // Курские епархиальные ведомости. 1875. № 10.

Чулков 1786 — Абевага русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных протонародных обрядов колдовства, шеманства и проч. сочиненная М. Ч.[улковым]. Изданием Ф. Гиппиуса. СПб., 1786.

Шестов 2001 — *Шестов Л.* Афины и Иерусалим. М., 2001.